

Лит. газета — 1992 — 12 авг — 881 — А. 7

Д А, У МЕНЯ есть право не брать в кавычки это название — Матренин двор существовал в центре Москвы, у Пушкинской площади, в Козицком переулке, соединяющем теперь уже бывшую улицу Горького со стороны гастронома (бывшего — братьев Елисеевых, бывшего — директора Соколова) с улицей Пушкинской, бывшей Большой Дмитровкой... Вспомни, читатель, очерки Владимира Гиляровского «Москва и москвичи» — в главе «История двух домов» он рассказывает об этом переулке. Волей случая мне посчастливилось, приехав из Сибири в 1967 году, стать техником-смотрителем и поселиться в полутемной комнатухе коммунальной квартиры в Козицком переулке. А во дворе с шести утра раздавался зычный голос дворника Матрены Зелениной и начинали скрежетать об асфальт железные скребки. Прожив там двадцать лет, я решил продолжить дело Гиляровского, а побудило меня к этому непосредственное явление в Матренином дворе Александра Исаевича Солженицына.

Но сначала был звонок самого В. В. Гришина — члена Политбюро и первого секретаря МГК КПСС... Нет, не лично мне, а моей должности начальника жэка звонил один из властителей страны. В феврале 1971 года меня только что назначили на эту должность по требованию стариков из партбюро жэка, уставших бороться с самодурством очередного отставного солдафона-полковника. А мной, 30-летним техником-энергетиком, студентом вечернего отделения юридического факультета МГУ, они надеялись легко руководить.

Вот от Гришина я и узнал, что в один из наших домов по обмену квартир переехала семья некоей гражданки Светловой, у дочери которой, Натальи, был годовалый малыш Солженицын. Самого отца, писателя Солженицына, в лицевого счета бухгалтерии не значилось.

Позвонил, конечно, сначала секретарь и объявил мне, что будет говорить со мной Виктор Васильевич Гришин.

— Вы член партии? — спросил сам и, получив утвердительный ответ, задал второй вопрос: — Вам известно, кто такой Солженицын?

— Да.

— Вы можете точно сообщить мне, кто прописан в семье гражданки Светловой, переехавшей по обменному ордеру в дом 2 по Козицкому переулку?

— Могу через минуту.

— Я жду...

Нажав рычажок самодельного пульта

Матренин двор

Владимир ЮРИНСКИЙ

Из записок
управдома

та внутренней связи, я попросил главного бухгалтера жэка Анастасию Ивановну Есенину срочно принести мне лицевой счет Светловой.

— Теперь вы понимаете, почему мы интересуемся этой семьей? — спросил Гришин, когда я зачитал ему три фамилии с лицевого счета. — У вас какое образование?

— Техническое, учусь в МГУ на юридическом.

— Это хорошо, что на юридическом, — голос слегка смягчается. — На днях к вам придут наши товарищи, окажите им содействие в том, о чем попросят. И еще просьба: никаких разговоров ни с кем об этом. Всего хорошего. — В трубке послышались короткие гудки.

Есенина сидела напротив, ожидая возврата лицевого счета, и глаза ее горели любопытством.

— Сам Гришин звонил? Кто такая эта Светлова?

— Сын ее дочери носит фамилию Солженицын, Анастасия Ивановна. Мы с вами должны принять это к сведению, но ни с кем не делиться. На днях к нам придут товарищи из... из горкома партии, мы должны оказывать им содействие, — говорю я, улыбаясь и многозначительно прикладывая палец к губам.

— А-а, это писатель, который про лагеря пишет, — догадывается пожилая рязанская женщина. — Он же у нас в Рязанской области жил, моя невестка читала его рассказ из журнала про какую-то Матрену... Ну, к секретам я привыкла, — вдруг вздыхает она, — мой муж-то летчик был, после войны Сергея Королева на его личном «Дугласе» возил... Потому и умер рано, сердце не выдержало. Сутками летали почти без отдыха по заводам. Королев крут был, сам уже не пил, а летчикам нальет по стакану коньяка и — летите, братцы. Костерили они его между собой, но лю-

били. И все раньше его умерли. Говорят, что он к «Дугласу» — американскому самолету — велел дополнительные баки для горючего приварить, и летали они по глухим местам, где заводы при лагерях строились, в Казахстане, тундре, черт знает где... Фронтовики могли только...

Н А СЛЕДУЮЩИЙ день в часы приема граждан появились двое улыбчивых мужчин в штатском, предъявивших удостоверения офицеров с Лубянки. Они вежливо напомнили о звонке Гришина и попросили срочно подыскать служебное помещение вблизи квартиры Светловой. Из трех предложенных помещений выбрали контору техника-смотрителя, которую я занимал целых три года, а моей преемницей стала Матрена Филипповна Зеленина. Двадцать лет проработала она дворником, здоровье уже подорвала, и женщины жэка уговорили меня назначить ее техником-смотрителем. Была она грубой и крикливой, зато хулиганы и алкаши боялись ее больше, чем участкового милиционера, и дворы ее участка выделялись чистотой, а дворники старались перейти от нее в другие бригады.

Матрена первой столкнулась со старшей Светловой, которая сама ездила за рулем «Москвича» зеленого цвета, заправляла бак из канистры, накачивала колеса. На асфальте появлялись пятна бензина, смазочного масла. Матрена не могла пройти мимо такого безобразия, потребовала убрать грязь. Светлова жаловалась мне на ее грубость, признавая свою вину, спрашивала, как бы поставить гараж.

Мне приходилось дипломатично смягчать остроту стычек, урезонивать Матрену, а за разрешением на гараж адресовать в райисполком. Сотрудникам госбезопасности нужен

был ключ от конторы техника-смотрителя для ночных дежурств — Матрена долго упиралась и возмущалась. Ключ ей был через несколько часов возвращен: они сделали дубликат. Но после первого же их ночного дежурства Матрена обнаружила в комнате горю окурков. Дождалась следующего прихода и выдала им полный набор своих обычных выражений вплоть до «Чихать я хотела на ваши удостоверения!». Потом присмирела и только интересовалась у меня, что может быть в ящиках, которые они приносят с собой из машины в контору, а утром уносят. Шила в мешке не утаишь — мне стало ясно, что они вечерами прослушивали разговоры в квартире Светловой, когда там появлялся Солженицын. Частые ночевки чекистов в конторе происходили только первые два-три месяца, позже почти прекратились. Об этом я узнавал от Матрены на утренних планерках, она заговорщически шептала мне про «ночных гостей».

Самого Александра Исаевича мне пришлось видеть несколько раз возле дома и на детской площадке с коляской. Бородатый дед гулял с внуком, думали местные мамыши. Матрена вскоре узнала фамилию родственника Светловых от любопытных молодых людей, заходивших во двор и выспрашивавших, где живет писатель Солженицын. Когда я ей объяснил, что этот писатель написал рассказ о другой Матрене из рязанской деревни, она перестала спорить со старшей Светловой.

О семье Солженицына были предупреждены через райком партии секретарь партбюро и председатель домкома жэка, они меня изредка спрашивали, все ли в порядке. Уезжали Светловы вскоре после высылки писателя, в 1974 году. Мне тогда «повезло» угодить с переломом ноги в больницу. Позже Матрена рассказывала, что уезжали они утром, часов в пять, когда все вокруг спали. Какие-то жулики ухитрились все же влезть в окно пустой квартиры и кое-чем поживиться. Матрене потом пришлось с участковым оформлять акт о вломе квартиры и описывать вещи.

Те времена стали историей. И уже сейчас на доме в Козицком переулке могла бы появиться доска с надписью: «Здесь жил в последние годы перед высылкой из России Александр Исаевич Солженицын». Нелишне было бы повесить и на доме напротив, где ныне юридическая консультация, табличку с указанием, что из этого помещения прослушивались разговоры писателя Солженицына.

Это тоже часть нашей истории.